Блотка

СБОРНИК РАССКАЗОВ

МИРА

Кораблёва

18+

МИРА КОРАБЛЕВА
ГЛОТКА

https://litres.ru/74973402
SelfPub; 2026

Аннотация

Безупречный шеф-повар открывает вкус отвращения. Писатель получает подарок, за который придётся дорого заплатить. Знаменитый хирург встречает женщину из прошлого — и узнаёт то, чего предпочёл бы не знать.

«Глотка» — восемь рассказов на границе психологической прозы, хоррора и притчи. Здесь любовь становится опасной, страх заставляет переступать черту, а чужая доброта вызывает зависть. От стерильной кухни до костра у железной дороги герои ищут способ справиться с тем, что больше невозможно проглотить: виной, одиночеством, правдой о себе.

МИРА КОРАБЛЕВА
ГЛОТКА

ГЛОТКА
Рассказы о том, что мы принимаем внутрь

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ВКУС РАЗЛОЖЕНИЯ
1. Глотка

2. Три конфеты

3. Ларс и его сын
ЧАСТЬ II. СПАЗМ
4. Граф

5. Двое на глубине
ЧАСТЬ III. БЕЗДНА
6. Чемодан для мальчика
ЧАСТЬ IV. СВЕТ
7. Букет для Люли

8. Короли у железной дороги

ЧАСТЬ I. ВКУС РАЗЛОЖЕНИЯ

Если ты можешь чувствовать тошноту, значит, ты еще жив.

Если ты можешь наслаждаться тошнотой, значит, ты перестал лгать

ГЛОТКА

Человек есть то, что он ест.
Но иногда человек ест то, что он есть.

Часть первая. Стерильность

Марк всегда знал, что соль не имеет вкуса. Соль — это катализатор для многого. Например, для лжи. Она заставляет продукты казаться тем, чем они не являются. Так же, как его улыбка заставляла гостей ресторана «Сублимация» верить, что они причастны к чему-то возвышенному и элитарному. На самом деле они просто платили деньги за право сидеть в стерильной белизне зала, где воздух проходил через семь степеней фильтрации, и вдыхать запахи, лишенные всякой человеческой грязи.

Марку было сорок. Его ресторан имел звезду «Мишлен». У его жены было идеально симметричное лицо. Жизнь его давно стала выверенной с лазерной точностью геометриче-

ской фигурой.

Много лет он не чувствовал ничего, кроме легкой фоновой скуки, похожей на назойливый шум в голове перед мигренью. Он думал, что это признак его самодостаточности — способность функционировать с абсолютной механической четкостью при полном отсутствии аффекта.

— Шеф, — голос су-шефа прозвучал так, как будто он сообщал о чем-то из ряда вон выходящем, — морских ежей привезли. От бразильского поставщика. Там... есть нюанс.

Марк спустился в цех для приемки продуктов. Это было его святилище. Здесь он безупречно строго проверялл то, что попадало потом на кухню его ресторана. Он увидел раскрытый контейнер. Восемь штук дорогущих морских ежей, только что доставленных прямо из аэропорта, лежали на льду. Казалось, что иглы их дрожали, отливая пурпурным блеском на самых кончиках. Но дело было не в иглах. Запах!

— Нюанс, — повторил Марк.

Он посмотрел на лица поваров. Они уставились на него с тем особенным выражением, с которым слабые смотрят на сильных. Они ждали, что он сделает чудо. Превратит гниль в золото. Марк презирал их за это выражение.

Он взял одного ежа. Колючие иглы были липкими. На его пальце осталась капля слизи. Еж был явно несвеж.

— Чтобы принять решение, я должен попробовать, — сказал он голосом, не допускающим пререканий.

Он вскрыл сердцевину ножом. Внутри было не оранжевое

масло, а серая жижа, которая уже начала расслаиваться. Очевидно, что проверять было не нужно — еж протух. Но запах… Запах ударил в нос с неожиданной интимностью. Как будто ему в лицо дохнуло что-то, что давно его ждало.

Марк поднес нож, на лезвии которого было немного склизкой мякоти, ко рту.

Он смотрел прямо в глаза су-шефу, демонстрируя акт чистого, ничем не оправданного мужества. Язык коснулся содержимого.

Мир сложился пополам.

Вкус разложения был многогранен. Сначала шла похотливая сладость распада, которую называют аминовой. Потом — кислотный укол аммиака, бьющий прямо в небо. А затем — тошнота. Неподдельная, которую невозможно подавить усилием воли, потому что она рождается не в желудке. Это была работа самой старой части мозга. Той, что помнит еще времена, когда человек был рыбой и учился не жрать трупы сородичей.

Тошнота подкатила к горлу. Мышцы глотки сократились в предрвотном спазме.

И в этот момент — в этот микроскопический промежуток между жизнью и смертью, между контролем и его утратой — Марк ***почувствовал.***

Это было острое, животное, совершенно неприличное удовольствие. Оно пришло не от омерзительного вкуса. А от того, что он, Марк, властелин стерильности, позволил че-

му-то отвратительному войти в себя и вызвать реакцию, которую он не мог контролировать.

Он проглотил.

— Продукт не годен, — сказал он, и его голос не дрогнул. — Утилизировать. Позвоните адвокату, пусть пишет претензию этим поставщикам.

Он вытер губы салфеткой и вышел. В туалете, закрыв за собой дверь, он посмотрел в зеркало. Его лицо было спокойно. Только кадык двигался слишком часто, как у человека, который давит рвоту.

Он улыбнулся своему отражению. Это была первая настоящая улыбка за последние три года.

Часть вторая. Отвращение

Мало кто знает, что в древней поэтике есть понятие — «звучание». Истинный смысл не в сказанных словах, а в том, что спрятано, что звучит за ними. Эстетический вкус развивается в резонансе, который возникает в душе читателя, когда он чувствует невысказанное.

Марк, разумеется, не читал древних трактатов. Но он был поваром. А всякая кухня — это искусство звучания. Ты кладешь в рот кусок мяса, а чувствуешь детство. Ты пьешь вино, а оно пахнет дождем в Коктебеле, под которым ты целовался в юности. Марк знал это, но для него ничего больше не звучало.

Но теперь, после этого странного случая, Марк начал ис-

кать звучание отвращения. Сначала с малого. Он вызвал поставщика морепродуктов в свой кабинет и устроил скандал. Он кричал, брызгал слюной, требовал компенсации. А в конце разговора, когда поставщик, трясясь, уходил, Марк бросил ему вдогонку:

— В следующий раз, когда у тебя появится что-то... пограничное, то, что уже только на выброс, звони мне. Лично. Я сам буду проводить контроль.

Поставщик сглотнул от неожиданности липкую слюну и кивнул.

Так через неделю в личном холодильнике Марка, запертом на кодовый замок, появились три банки. В одной — осетровая икра, которую забыли в тепле на двое суток. Жемчужины лопнули, превратившись в липкую, пахнущую сероводородом жижу. Во второй — утиный конфи, начавший процесс ферментации, от которого пахло чем-то смутно человеческим, больничным. В третьей — сливочный соус, покрывшийся плесенью такой густой и красивой, что она напоминала бархат.

Марк дегустировал их по ночам. Он делал это при свете единственной лампы, стоя над мусорным баком на случай, если его вырвет. Он брал ложку, закрывал глаза и отправлял в рот порцию разложения.

Его тело бунтовало. Глотка сжималась, желудок поднимался к диафрагме, слезы выступали на глазах. Но в тот самый момент, когда тошнота достигала пика, когда он уже

стоял на коленях перед баком, из его горла вырывался не рвотный спазм, а тихий хриплый стон.

Стон наслаждения.

Он вдруг понял: отвращение — это чувство, которое труднее всего испытать по-настоящему. Потому что оно требует признать в себе способность наслаждаться омерзительным.

Он чувствовал приторный стыд. Это был запах его собственной души, которую он прятал за стерильными фасадами.

«Я — отброс», — думал он, облизывая ложку. И в этой мысли было облегчение. Потому что отброс не должен быть идеальным. Отброс может просто быть.

Но наутро он надевал белый китель, выглаженный до хруста, и выходил в зал. Его гнев на кухне стал невыносим. Он выискивал несовершенства, которые раньше не замечал. Неровно нарезанный лук-порей, капля соуса на ободке тарелки, секундное опоздание официанта. Он кричал так, что у стажеров дрожали колени. Он выплескивал наружу свое самоотвращение, маскируя его под борьбу за качество.

А потом он сделал следующий шаг. Он начал готовить блюда с добавлением «пограничных» продуктов для ничего не подозревающих гостей. Капля протухшего соуса в демиглас. Щепотка ферментированной икры в тартар. Он делал это с хирургической точностью: ровно столько, чтобы вкус стал глубже, интереснее, но, чтобы никто не мог опознать источник. Критики были в восторге. «Новая глубина! — пи-

сали они. — Марк открыл седьмое измерение вкуса еды!»

Он стоял в углу зала, наблюдая, как они едят его тайную мерзость, и улыбался. Они жевали трупное разложение и платили за это по десять тысяч за порцию.

В этот момент Марк ненавидел их. И любил.

Дома дела обстояли хуже. Его жена Ингрид была идеальной. Она занималась йогой и носила баснословно дорогой бежевый кашемир. Их брак был похож на его кухню: стерильный и безупречно выверенный. И полностью безвкусный. Даже сексом они занимались четко по четвергам в 22:15, после новостей. Это длилось ровно одиннадцать минут. Марк отсчитывал их по движению стрелки на эксклюзивных часах на стене. Они никогда не позволяли себе повышать голос, даже конфликтные ситуации всегда разрешались сдержанно, с достоинством и вежливой полуулыбкой. А как иначе, ведь они оба были давно проработаны психотерапевтами и очень осознанны.

Теперь он стал резок с ней.

— Ты сегодня странно пахнешь, — сказала она однажды за ужином, не поднимая глаз от тарелки.

— Чем?

— Не знаю. Свалкой. Прости за такое сравнение.

Он громко расхохотался.

Ингрид подняла на него глаза. В них было напряжение.

— Ты пьешь? — спросила она.

— Я ем, — ответил он. — Впервые за долгое время я ем

по-настоящему.

Она не поняла. Как она могла понять? Ее идеальная глотка пропускала только то, что было одобрено диетологом.

Часть третья. Переход границы

Потом случилось это.

Он купил рыбу на рынке у неопрятной старухи. Старуха сказала: «С душком». На самом деле это была рыба, которая уже начала превращаться в не рыбу. Когда Марк открыл пакет в своей домашней кладовой, запах был настолько плотным, что его чуть не вывернуло. Марк решил отвезти ее в ресторан. И поднялся в свою гардеробную переодеться. А пакет оставил в кладовой у кухни.

Ингрид не должна была его найти. Но она вернулась домой на три часа раньше, потому что у нее отменили занятие по йоге. Она открыла дверь кладовой в поисках бутылки воды.

Марк услышал это из гардеробной. Это был не крик. Это был звук, который издает человек, когда его разум отказывается верить сигналам, поступающим из носа. Горловой спазм. Предвестник рвоты.

Он вошел на кухню. Ингрид стояла спиной к нему, обеими руками вцепившись в край столешницы. Перед ней на полу стоял открытый пакет. Из него сочилась бурая жидкость.

— Что это? — спросила она голосом, который был слишком спокоен.

— Эксперимент, — сказал Марк.

Она обернулась. И вот тут он увидел это. Настоящее, физиологическое, неподдельное отвращение.

Оно исказило ее идеальное лицо. Ноздри раздулись, верхняя губа приподнялась, обнажая зубы. Она смотрела на него как на объект, который не должен существовать в ее стерильном мире.

— От тебя разит смертью, — сказала она. — Ты болен. Ты... ты гниль.

Она сказала это. Самый близкий человек вынес ему вердикт.

И в этот момент Марк не стал ничего объяснять, оправдываться. Он лишь сделал то, что и должен был сделать любой перфекционист, чей тайный мир разрушен.

Он взорвался.

Он схватил со стола чугунную сковороду и швырнул ее в стену. Она пробила гипсокартон, оставив дыру, из которой посыпалась белая пыль. Он перевернул холодильник. Он вывернул пакет и размазал останки гнилой рыбы по плитке. Он вытащил из кладовой все свои сокровища — банки с протухшей икрой, контейнеры с забродившими соусами — и начал разбивать их об пол.

Стекло разлеталось, жижа растекалась по идеальному белому кафелю. Запах заполнил весь дом. И он был прекрасен в своей чудовищности.

— Ты хотела знать, что я такое? — кричал он, наступая на осколки босыми ногами. — Вот оно! Это я! Твой идеальный

муж! Твой идеальный повар! Я ем дерьмо, кормлю им вас всех и ржу, когда вы называете это шедеврами!

Ингрид смотрела на него из угла кухни, прижимая ко рту полотенце. Ее охватил ужас. И, что еще хуже, торжество. Она всегда знала, что под его безупречной оболочкой скрывается нечто уродливое. Теперь она получила доказательства. Но что было абсолютно нелепо — идеальная Ингрид вдруг совершенно неожиданно для самой себя, продираясь через свою злобу и гнев, — обнаружила, что завидует ему лютой завистью.

Она ушла в ту же ночь. Брак рухнул.

Часть четвертая. Пустота

Санитарная проверка нагрянула через неделю. Анонимный звонок, разумеется.

Они нашли все. В его личном холодильнике на складе ресторана. Продукты без маркировки, с признаками порчи, хранящиеся в одном отсеке с ингредиентами для гостей. Скандал раздули газеты. «Шеф-повар-извращенец», «Помойка под соусом «Мишлен»…».

Инвесторы отозвали финансирование. Ресторан закрыли.

Марк не сопротивлялся. Он сидел в своем кабинете, пока юристы упаковывали документы, и смотрел на вывеску с собственным именем, которую снимали рабочие. Его имя упало на тротуар напротив фешенебельной витрины, и прохожие перешагивали через него.

Он переехал в свою старую квартиру. Ту, которая была у

него до брака. Она была маленькой, пустой. Ингрид прислала ему документы на развод курьером. Сама она даже приближаться к нему не хотела. Она смертельно боялась еще раз испытать то, что было истинной основой ее отвращения к Марку.

Он перестал бриться. Перестал менять одежду, мыться.

Он лежал на диване и смотрел в потолок. Впервые в жизни ему не нужно было ничего контролировать. Не было ни ресторана, ни жены, ни репутации. Не было даже врагов, потому что враги — это тоже форма признания.

Была только пустота. И в этой пустоте через несколько дней он почувствовал голод.

Не физический. Голод, который привел его к протухшим морским ежам. По любому ощущению, которое подтвердило бы, что он еще жив.

Он надел первую попавшуюся куртку, спустился в самый дешевый супермаркет на углу. Он долго ходил между рядов, рассматривая яркие упаковки, обещающие «натуральный вкус» и «домашний уют». Тележка, которую он катил перед собой, нудно дребезжала. На ее дне лежал прилипший к прутьям замызганный кусок бумаги — то ли чек, то ли какая-то обертка. Колесико тележки постоянно сбивалось с траектории движения, отчего та резко останавливалась, а Марк врезался в ее ручку животом. Но все это было неважно. Он должен был найти то, что так влекло его сейчас.

Он купил самую дешевую банку консервов — «Сайра в

собственном соку». Этикетка была криво наклеена, и на ней красовалась рыба, которой никогда не существовало в природе: золотая, гладкая, подмигивающая задорным блестящим глазом. Он отковырнул пальцем этикетку и увидел под ней старую, с давно истекшим сроком годности.

Дома он открыл банку. Запах ударил в нос.

Это был не тот сложный, многогранный аромат разложения, который он дегустировал в своем ресторане. Нет. Тут было все проще. Честная, дешевая тухлятина. Запах железа, аммиака и той особой ноты, которую можно назвать только одним словом: нищета.

Марк сел на пол кухни, прислонившись спиной к плите, и начал есть. Он ел медленно. Он брал куски пальцами. Мясо было волокнистым, с хрящами, которые хрустели на зубах. Жир облеплял небо.

Его тошнило. Глотка сокращалась, пытаясь вытолкнуть эту мерзость обратно. Но он продолжал жевать. И в этом жевании, в этом насилии над собственным телом он наконец-то почувствовал... Стыд. Настоящий, горячий, как моча, стыд. Он почувствовал жалость к себе и гнев на весь мир, который отвернулся от него, потому что он перестал быть удобным.

А потом, когда банка опустела, он почувствовал что-то еще.

Свободу.

Он заплакал. Слезы текли по его небритой щеке, смешиваясь с рыбьим жиром, который он не вытер. В этих слезах

была какая-то извращенная сладость. Он больше не притворялся. Он был тем, кто он есть. Человек, который ест отбросы и получает от этого удовольствие. И в этом принятии не было катарсиса в том смысле, в котором его понимают оптимисты. Никакого очищения или нового начала. Только знание: он нашел свое истинное место. На дне.

Финал. Свалка

На окраине города, за кольцевой дорогой, есть точка, куда свозят то, что больше не нужно. Старые холодильники, сломанные машины, строительный мусор, пищевые отходы. Городские власти планируют когда-нибудь построить там парк, вывезя эти отходы на утилизацию или сжигание, но пока это просто гора, которая растет с каждым днем.

Марк пришел туда на рассвете. Он встал на вершине холма из мусора.

Ветер трепал его волосы, донося запахи, от которых нормальный человек отвернулся бы с тошнотой. Гниющая органика, кислый запах пластика, горелая проводка, сладковатый запах разложения, в котором уже невозможно различить оттенки.

Марк глубоко вдохнул. Его легкие расширились, наполняясь этим. Его лицо было очень усталым.

«Если ты можешь чувствовать тошноту, значит, ты еще жив. Если ты можешь наслаждаться тошнотой, значит, ты перестал лгать», — звучало где-то в самой его сердцевине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.